

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 726:2–523.4

Мезенцева Ю.И.

Московский государственный областной университет

ДРЕВНЯЯ АРХИТЕКТУРА КРЕМЛЯ

Yu. Mezentseva

Moscow State Regional University

ANCIENT ARCHITECTURE OF THE KREMLIN

Аннотация. В статье описывается постройка комплекса храмов Московского Кремля в период становления российской государственности XIV–XVII вв. Отмечается каноничность московского периода градо- и храмо-строения как дальнейшее развитие русской храмовой архитектуры периода княжеской Руси. Прослеживается культурная связь архитектурных традиций городов Московского региона. Констатируется влияние построек итальянских архитекторов на развитие московского храмового зодчества XVI–XVII вв. Храмовый комплекс Московского Кремля характеризуется как единый архитектурный ансамбль.

Ключевые слова: средневековая московская архитектура, фряжское зодчество, круговая аркатура.

Abstract. The article describes the construction of the complex of temples of the Moscow Kremlin in the period of formation of the Russian statehood in the XIV–XVIIth centuries. The canonicity city and church-building during of the Moscow period is considered to be the further development of the Russian Church architecture within the period when Russia was governed by princes. The author states the architecture of Moscow region cities had certain cultural traditions which unite it. Besides, the article describes the influence of Italian architects' buildings on the development of the Moscow temple architecture of the XVI–XVIIth centuries. The author considers the temple complex of the Moscow Kremlin to be a single architectural ensemble.

Key words: Moscow architecture, Fryaz architecture, circular arcature.

Москва, начиная с XIII в., стала постепенно превращаться из городского княжеского поселения в столицу русского государства. Этот процесс сопровождался строительством крупных сооружений на территории Московского Кремля.

В августе 1326 г. в Москве был заложен первый каменный храм – Успенский собор, как символ мощи и величия растущего города. В 1329 г. была возведена вторая каменная церковь – в честь святого Иоанна Лествичника, и первая колокольня в Москве, а может быть и во всей Руси. Третий каменный храм, Спаса на Бору, был заложен в 1330 г. в только что основанном Спасском монастыре. В 1333 г. началось строительство четвёртого храма – Архангела Михаила. Спустя пять лет все храмы были расписаны греческими и русскими масте-

© Мезенцева Ю.И., 2013.

рами. В 1367 г. при князе Дмитрие Донском для большего укрепления города дубовые стены города были заменены каменными. Все московские храмы, построенные на протяжении XIV в., указывают на непрерывную строительную деятельность, не прошедшую бесследно в истории русского строительства и оказавшую большое влияние на дальнейшие сооружения XV в., оставившую заметный след и в позднейшей московской архитектуре XVI – XVII вв. Н.А. Дмитриева отмечает: «В XV веке сбросив татаро-монгольское иго, объединившись вокруг Москвы, русская земля пережила новый подъем, век XV можно считать золотым веком древнерусского искусства, а произведения московской школы – его классикой» [2, с.180].

Средневековая московская архитектура значительно отличается от своеобразной архитектуры Новгорода и Пскова и скорее приближается к древней архитектуре Владимира и Суздаля. Ощущается тяготение Москвы к Владимиро-Суздальским формам, в частности, к формам Владимирского Успенского собора.

При возвышении Москвы в ранг столицы все вышеназванные храмы в конце XV в. были перестроены. Уцелевшие памятники вне Москвы, это – Успенский собор в Звенигороде, Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре и Воскресенский собор в Волоколамске. Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре построен Звенигородским князем Юрием Дмитриевичем. Весь сложенный из белого камня, собор является ярким представителем раннемосковской архитектуры. Успенский собор в Звенигороде, построенный в конце XIV в., на несколько лет ранее Саввинского храма, может служить образцом внешнего вида раннемосковских церквей. Совершенно особым интересом отличается Воскресенский собор в городе Волоколамске. Жаль, что этот интересный памятник не сохранился в своём целом виде, он многое бы добавил в характеристике раннемосковского зодчества.

К сожалению, не осталось никаких сведений об архитектуре главного московского

собора, храма Успения, старейшего по времени, постройки 1326 г. В 1470 г. Московский Успенский собор сгорел. Митрополит Филипп на свои личные средства и средства пожертвователей задумал выстроить новый, взяв за образец Владимирский Успенский собор. На строительство собора пригласили московских мастеров Кривцова и Мышкина. Ими были возведены стены и своды, но, когда приступили к кладке верха, собор обрушился. Причину разрушения видели в нерациональном устройстве лестницы на хоры и в плохом качестве строительного раствора, как заявили осматривавшие разрушившийся собор псковские мастера. Известно, что собор был построен по образцу Владимирского Успенского собора. Он был пятиглавым, имел хоры и стоял на подклете. Разрушение Успенского собора произвело тягостное впечатление на жителей Москвы. Надежда на московских мастеров исчезла.

Время перестройки этих памятников совпало с появлением в Москве «фрязинов», то есть итальянцев, приглашённых Великим князем Иваном III для исполнения задуманного им переустройства столицы. Итальянцы произвели крупный переворот в московском строительстве, открыв новую эпоху в строительном деле. Но и раннемосковское зодчество продолжало существовать вполне самостоятельно. Прежде чем говорить о деятельности итальянцев, уместно рассмотреть два московских храма, где, несмотря на присутствие тут же рядом блестящего произведения фряжского зодчества – Успенского собора, проведены мотивы и стилистика раннемосковской архитектуры.

Это Ризоположенская церковь и Благовещенский собор в Кремле, построенные псковскими мастерами и всецело примыкающие к раннемосковской архитектуре. После пожара 1837 г. своды Ризоположенской церкви были переделаны. Сделанная вновь глава барочной формы совершенно не сочеталась со строгой архитектурой церкви. В остальном храм сохранил свою первоначальную архитектуру.

Благовещенский собор был построен князем Василием, сыном Дмитрия Донского.

При князе Иване III собор пришёл в ветхость и был разобран до подклета, а в 1485 г. на этом подклете был сооружён новый храм. Таким образом, плановая форма и размер собора остались прежними. Главная пятиглавая часть храма, построенная в 1485 г. псковичами, снаружи очень мало схожа с псковской архитектурой и по роду убранства должна быть отнесена к раннемосковскому зодчеству, позаимствованному с Владимирского Успенского собора, красота которого в глазах москвичей служила идеалом всего прекрасного. То, что было на десять лет ранее вменено Аристотелю Фиораванти при постройке Успенского собора, воплотилось здесь в ещё более ярком виде, и этот второй пятиглавый собор Москвы в некоторой степени представляет уменьшенный вариант Владимирского Успенского собора.

Внешней частью раннемосковских храмов являлись «перспективные» порталы, которые в Благовещенском соборе отсутствуют, их заменяют с западной и северной сторон роскошные итальянские порталы. Обращают внимание полотна дверей, исполненные в технике золотой наводки, подобно древним дверям Суздальского Рождественского храма. Благовещенский собор заключает в себе те приёмы церковного строительства, которые так широко были развиты в дальнейший период зодчества XVI, XVII вв.

Неудача московских мастеров при сооружении Успенского собора, доведшая до катастрофы, заставила обратиться к иноземцам. Посланный в Венецию дипломат Семён Толбузин встречается там с Аристотелем Фиораванти, известным итальянским архитектором. Не без труда удалось уговорить его ехать в далёкую Московию. В 1475 г. А. Фиораванти начинает строительство Московского Успенского собора, исполняя желание князя создать нечто подобное Владимирскому Успенскому собору. Ему же принадлежала идея устройства алтарных абсид не во всю высоту храма, причём при незначительных их выступах. Алтарная часть храма становилась не столь заметной, что, вероятно, и входило в расчёты А. Фиораванти. Любопытна ещё

одна итальянская находка: добавка к западному portalу открытого крыльца – лоджии на колоннах с двойными подвесными арками. Насколько в своё время была интересна эта новинка, свидетельствует летопись, отмечающая все подробности невиданной на Руси конструкции: «Перед передними дверми помост накры каменемъ и въ одинъ кирпичъ сведе и середку на гирь повеси на желъзной». Это открытое крыльцо впоследствии претерпело изменения после пожаров. Величественный Московский Успенский собор затмил собой прежний идеал – Владимирский Успенский собор, и со времени своего сооружения до самого конца XVII в. не переставал быть всюду предметом подражания. «Успенский собор А. Фиораванти сыграл исключительно яркую роль в истории отечественной архитектуры. Он стал высоким образцом для нескольких поколений русских зодчих, своеобразной школой повышения мастерства» – пишет искусствовед В.Д. Чёрный [3, с. 221]. Художник В. Суриков, побывав в Венеции, отмечал, что Успенский собор «сановитее» собора св.Марка.

С южной стороны Успенского собора возвышается не менее замечательный и древний Архангельский собор. Он был построен в 1333 г. великим князем Иваном Калитой. Ещё прежде этого собора на том месте стояла деревянная церковь в честь Архангела Михаила, которого на Руси всегда считали своим заступником. Когда церковь обветшала, князь построил на освободившемся месте новую каменную, и назначил её местом погребения для себя и своих преемников.

Храм этот в начале XVI в. оказался тесным, и князь Василий Иоаннович заложил новый собор. Через двадцать шесть лет после первой работы итальянского зодчего А. Фиораванти в Москве, то есть после сооружения Успенского собора, другой итальянский зодчий, Алевиз Новый, строит в 1505-1509 гг. на месте старой царской усыпальницы Архангельский собор. Этот пятиглавый храм Москвы своим внешним видом не нарушал строгой группы соборов Московского Кремля, благодаря своеобразной, чисто итальян-

ской обработке фасадов Архангельского собора, произведённой из белого камня на фоне кирпичных стен.

Предположительно стены собора до штукатурки были цвета натурального кирпича. Но они могли быть и побелены, подобно барабану глав Успенского собора. Искусствовед Алпатов М.В. писал: «Сочетание красного кирпича стен с белокаменными членениями оказалось также вполне оправданным: содействуя чёткому выделению деталей, оно и в пасмурные дни придаёт зданию красочность и нарядность» [1, с. 234].

То, что не решился сделать А. Фиораванти при постройке Успенского собора, полностью осуществил Алевиз Новый в своём роскошном декоре фасадов Архангельского собора. Здание венчает сплошной антаблемент, отрезавший закомары от стен и низведший их на степень простых кокошников, что в корне подорвало значение закомар, так ясно обрисовавших внутренний строй и внутреннюю конструкцию храмов византийского типа.

Удерживая старые обычаи построения наружных форм храма, Алевиз Новый разработал их по-своему. В общей архитектурной картине фасады Архангельского собора представляют собой двухэтажное здание, обработанное пилястрами и увенчанное карнизом, поверх которого, ближе к кровле, поставлены декоративные раковины. Поступив подобным же образом и с декорацией барабанов пяти глав храма, Алевиз Новый украсил их круговой аркатурой, архивольты которой держатся на пилястрах и кронштейнах с импостом из полного антаблемента. Форма древних глав собора проста – они немного больше полушара с воронкообразным, сильно изогнутым возвышением к кресту.

Очень тонкая и сложная обработка фасадов Архангельского собора открывает собой эпоху той московской архитектуры XVI–XVII вв., в которой замечается стремление заменить раннемосковскую простоту и строгость нарядностью, обилием декоративной обработки.

Многое из того, что внёс Алевиз Новый в обработку фасадов Архангельского собо-

ра, не привилось в московской архитектуре, как, например, чуждый русскому пониманию того времени строй ордеров с их богатой орнаментикой, а также и та роскошная форма открытой лоджии хор западного фасада, сквозь которую свет проникает в храм через окно западной стены храма, мягко освещающий чудную фресковую роспись XVI в.

Но много из Алевизовой обработки фасада было воспринято русскими мастерами, по-своему понявших и приспособивших иноземные формы. Восприняты и архивольт с импостом, и раковины закомар, но более всего внедрился в практику карниз, или, вернее, антаблемент во всех его значениях: делящий или поддерживающий архитектурную форму со всеми её служебными, дробными частями. Со времени сооружения Архангельского собора карниз в московском строительстве вводится в какой-то всепобеждающий культ. Многие храмы уже имеют так или иначе обработанный, венчающий карниз, которому отводится видное место в русской архитектуре.

Видный искусствовед Алпатов М.В. писал: «Из четырёх кремлёвских храмов XVI–XVII веков два меньших по размерам построены русскими мастерами, два более крупных – итальянскими. Последние несут на себе печать большей торжественности и светского величия, зато два других более изящны и одухотворённы. В этих расхождениях есть некоторое сходство с расхождениями в понимании роли церкви у «заволжских старцев» и у «осифлян». В жизни эти расхождения приводили к открытой борьбе и столкновению противников. В искусстве они не были такими непримиримыми. Кремлёвские соборы стоят почти рядом, они дополняют друг друга; вместе они составляют одно художественное целое. В конце пятнадцатого – начале шестнадцатого века в Москве ещё допустимо было не только воспевание грандиозной мощи и спокойного величия, но и изящество и нарядность в духе традиций Рублёва, узорочье, которое так любило русское народное искусство» [1, с. 234–235].

Архангельский собор служил ещё и усыпальницей русских великих князей и царей,

начиная от Иоанна Калиты до Иоанна Алексеевича. Между гробницами великих князей и царей особенно замечательны две гробницы: святого царевича Дмитрия и святого благоверного князя Михаила. Все русские князья, которые погребены в Архангельском соборе, изображены на его стенах в венцах, как святые.

Достойны внимания некоторые обычаи, которые совершались в Архангельском соборе. Великие князья и цари, в память своих родственников, делали богатые вклады в виде произведений искусства и устраивали трапезы для народа. После торжественного вступления на царство великие князья приходили в Архангельский собор получить благословение у своих святых предков. «Не смотря на некоторую необычность внешнего вида Архангельского собора, – отмечает В.Д. Чёрный, – он был с очевидным одобрением принят москвичами» [3, с. 230].

В XVI–XVII вв. русские архитекторы успешно использовали и развивали «фряжские элементы» в русском зодчестве – декоративные фасады, сложные внешние формы, применяли в русской архитектуре ордерной ренессансной системы. Алпатов М.В. так подытожил свои впечатления и размышления: «Искусство конца XV века в целом означает шаг вперёд в художественном развитии русского народа. В нём всё большее значение приобретает сознательное начало; в нём проявилось много чувства меры и понимания гармонической красоты» [1, с. 248].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т. 1. – М.-Л., 2008. – 425 с.
2. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. В трех вып. – Искусство; М.: 1985-1993. – 318с.
3. Чёрный В.Д. Искусство средневековой Руси. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 430 с.